

Анна Амазоба

ИСХОЖДЕНИЕ

Алла Алмазова

Нисхождение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69111643

SelfPub; 2024

Аннотация

Лаверии посчастливилось родиться в семье главы парламента Вершины Творцов. Перед ней открыты все двери и возможности, благодаря отцу. Но так ли беспечна жизнь девочки на самом деле? Родная мать отвергает дочь, отец чувствует приближение смерти, битвы за власть беспощадны. Иллюзия благополучия рассеивается. Без шанса быть просто ребёнком, лишённая возможности играть. Путь девочки, бросившей вызов судьбе и пророчествам. Древние манускрипты, магические свойства минералов, легенды шаманов и многое другое ожидает вас в увлекательном путешествии в мир Творцов.

Содержание

Вершина Творцов	4
Магистратура	16
Манускрипт	27
Отец	36
Парламент	45
Дружба	56
Верония	62
Сопrotивление	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Алла Алмазова

Нисхождение

Вершина Творцов

Много веков миновало с тех пор, как династии Творцов отделились от простого люда. Высшие расы благоволили родам избранных Созидателей. Праотцов направили жить на южное плато Визарии. Творцы создали свой мир – суверенный город, который стремительно процветал и развивался. Достояния династий по наследству передавались потомкам, наращивая потенциал и мощь Вершины Творцов. Своды законов и правил в древних манускриптах передавались из поколения в поколение, составляя основу жизни плато.

Династии хранили таланты первородных предков. Рождение ребёнка – благословение богов. Достигнув десятилетия, чадо отправлялось на обучение к магистрам, с целью развития духовных даров. Родители бережно хранили разум наследников от посторонних воздействий, дабы в момент открытия силы, потомок смог проявить свой истинный талант. Сила пробуждалась в детях к пятнадцати годам. Лишь тогда доступно было распределение нового поколения по сферам созидания.

Алый диск закатного солнца медленно спускался за гори-

зонт. В прохладе деревьев цветущего сада мать и отец наблюдали за маленькой Лаверией. Девочка раскачивалась на качелях из горного хрусталя, напевая мелодичную песню.

— Верония, как быстро выросла наша дочь! — задумчиво произнёс отец, громко выдохнув от тревожащих его душу мыслей.

— Лавий, чем ты опечален? — женщина положила хрупкую ладонь на крепкое плечо мужа.

— Завтра её первый день обучения, но она совсем не готова к урокам. Новые лица, строгие магистры, много часов вне стен родного дома.

— Если ты будешь опекать её постоянно, девочка не сможет проявить себя. Всё в этом мире идёт по устоям предков. Лава сможет найти себе друзей, полюбить магистров, выбрать дисциплины, которые станут её проводниками во взрослую жизнь.

— Я буду скучать по ней, волноваться. Она же совсем маленькая, ей всего десять! — Лавий встал, расправил полы лазурной мантии, привлёк супругу в объятия. — Возможно, ты права, пора отпустить нашу девочку.

— Почему ты не хочешь пойти к флюоритовому порталу, поговорить с богами о судьбе Лаверии? — прислонившись головой к груди мужа, прошептала Верония.

— Хочу, чтобы у неё была свобода выбора. Боги могут начертать свой путь, если я открою сомнения в том, что девочка способна сама проявиться. Оставь ей шанс! — он знал

судьбу Лаверии. Сны, которые приходили к нему по ночам, тревогой окутывали мысли отца за чадо и за Вершину Творцов. — Дай мне слово, никогда не спрашивать пророков о её судьбе.

— Лавий, ты меня пугаешь! — подняв голову вверх, женщина пристально посмотрела в глаза супруга. В бездонной глади ясных голубых глаз Веронии пробежала тёмная волна страха.

— Всё будет хорошо! Нет повода для волнений, — погладил жену по шёлку волос.

Лаверия с лёгкостью прыгнула с качелей. Совсем недавно её маленькие ножки не касались земли с высоты сидения, а сегодня она подростком бежит по траве изумрудного цвета, радостно улыбаясь отцу и матери. Если рассматривать девочку внешне, то по признакам генеалогического древа, она унаследовала силу двух династий: светлая кожа и глаза цвета неба матери, волосы отца – цвета первого снега. Для Лавия гораздо спокойней было бы, чтобы дочь унаследовала силу рода Веронии. Сложная судьба для девочки — повторить путь папы и стать главой парламента Вершины Творцов.

Мужчина утратил надежду на рождение сына. Он чувствовал, как силы покидают его с каждым днём, неминуемо приближая момент, когда откроется портал для его перехода в мир иной. Об этом не должен был знать никто, кроме него. Жестоко по отношению к родным – объявить свой скорый уход и жить, наблюдая, как от грусти и печали гаснет свет в

любимых глазах. Глава семьи не хотел, чтобы женщины династии тайно подпитывали его своей силой, скрывая от других творцов немощ парламентария.

Лавий часто гулял по улицам Вершины, разглядывая в молодых творцах способность к управлению, чтобы наделить своими полномочиями новое поколение. Но чем больше он присматривался к юношам и девушкам, тем чаще ловил себя на мысли: кроме Лаверии, мало кто способен принять ношу ответственности. Единственное решение, которое казалось мужчине мудрым — это отдать дочь замуж сразу после окончания обучения. Брак и рождение ребёнка помогут девочке избежать мрачных пророчеств из его снов.

Двенадцать парламентариев — сильнейшие ученики магистратуры должны были обладать не только ясным видением и способностью к общению с духами, но и удерживать силой разума лазуритовый купол. Своды купола защищали от проникновения на плато инородных сигналов. Лавий всячески старался отвергать мысли о том, что ему стоит передавать Лаверии свои знания о структуре и мироустройстве Вершины Творцов, но приемника по-прежнему он так и не нашёл.

Отдать дочь на плаху удержания купола — прервать династию. Девочка не сможет стать матерью, энергия творца вся уйдёт в безопасность города. А он не должен вмешиваться в её жизнь, строить за неё планы, совершать выбор. Тонкая грань между Лавием — парламентарием и Лавием — за-

ботливым отцом стиралась в моменты, когда задумывался о будущем любимого чада и о скором своём уходе. Слишком сложный выбор для родителя, любящего свою дочь. Счастливы те, кто в незнании пути живёт надеждой и борьбой за успех. И если был хоть малейший шанс сохранить дочери возможность мечтать и творить свою судьбу, Лавий всячески оберегал её от окружающего мира. Да, Вершина Творцов безопасней, чем жизнь среди людей, но и тут, покинув стены родного дома, Лаверии придётся познавать новые грани бытия.

– Верония, ты, правда, считаешь, что наша девочка выросла? — постарался не выражать истинных эмоций в голосе.

– Конечно, дорогой, ты можешь без страха отпустить её на обучение.

– Прикажи кормилице собрать Лаверию для прогулки по плато, — настойчиво продолжил парламентарий. — Я сам хочу показать дочери Вершину.

– Лавий, нет! — раздражённо ответила супруга, — Если вас увидят вместе за воротами, творцы примут это за знак, что ты объявляешь её своим приемником. Девочка должна увидеть жизнь за границей дома только в первый день обучения, магистры покажут воспитанникам город.

– Обещаю, никто не узнает о наших прогулках, доверься мне!

– Она будет знать, и этого достаточно! Ты не должен так поступать, — в голосе супруги не было тревоги за дочь, лишь

мимолётная злость на то, что любовь к Лаверии одерживала верх над разумом супруга.

— Верония, не вынуждай меня обсуждать принятые мной решения! — Лавий сурово посмотрел на жену, — Скажи Леоне собрать Лаверию для прогулки.

Девочка подбежала к родителям, обняла отца, проявляя искреннюю радость от того, что может побыть рядом с ним. Раздосадованная мать, подавляя в себе негодование, посмотрела на дочь, резко развернулась, проследовав в сторону дома.

Десять лет назад рождение первенца перевернуло жизнь возлюбленной жены. Муж изменился сразу, как только увидел в новорожденной черты своего лица. Забота, внимание, любовь и ласка, которые были у супруги в полной мере до появления в доме младенца, всё это предназначалось со дня рождения дочери уже не Веронии. Одержимая неконтролируемой ревностью мать к своей груди девочку не приложила, сославшись на отсутствие молока. Так в жизни маленькой Лави появилась кормилица Леона. Мать надеялась, что внимание супруга вернётся к ней, если девочка будет жить с кормилицей в отдельной части дома, но всё шло не по плану. Муж, возвращаясь с парламента, всегда отправлялся сначала к дочери и Леоне. Веронии оставалось лишь наблюдать из окна собственной спальни, как муж играет с ребёнком в саду и радуется её успехам.

В какие-то моменты мать пересиливала себя и в отсут-

ствии мужа навещала чадо, но стоило ей посмотреть на маленькую Лаверию, как сразу просыпались боль и отчаяние за собственную ненужность для любимого когда-то отца её ребёнка. Первое время отговорки, почему Верония так холодна к девочке, принимались супругом. Позже муж просто перестал интересоваться её отношением к дочери, посчитав, что Верония не способна быть достойной матерью. И чем больше он замечал отвержение чада родной мамой, тем больше пытался напитать дочь светлыми чувствами, сразу за двоих родителей.

Веронии было семнадцать лет, когда её отец принял решение выдать дочь замуж за Лавия. Генетически успешный брак был рассчитан тщательно по древам родов. Тогда ещё юная девушка не понимала, что двадцать лет разницы в возрасте супругов – это не залог того, что муж будет носить её на руках всегда и считать ребёнком. Поэтому, когда спустя пять лет совместной жизни в доме появилась Лаверия, её матери пришлось резко повзрослеть. Она перестала быть любимой девочкой своего супруга. Её место заняла наследница.

Иногда Веронии казалось, что младенец с детства притягивал к себе всю заботу и внимание отца, чтобы обрести власть после его ухода. Словно в дочери таилась сокрытая тёмная магия, способная управлять и манипулировать ими. И вот теперь, когда муж заявил, что он готов публично выйти с девочкой на улицу до ритуальной прогулки с магистрами, женщина не могла сдерживать слёз обречённости. Пят-

надцать лет своей жизни она отдала во благо парламентария, не считая себя после рождения дитя частью семьи. Затворницей наблюдала за жизнью мужа и дочки. Нужна была она супругу только тогда, когда на Вершине Творцов проходили празднования – играть роль счастливой семьи. Если в Лаверии генетически и были корни родов создателей, для собственной матери она стала разрушителем её жизни. Истребителем пусть мнимого, но благополучия.

За высокими воротами дома Лаверия впервые увидела улицы города в сопровождении отца. Крепко сжимая ладонь папы, удивлённо рассматривала оригинальные здания улиц плато. После захода солнца мало кто из жителей Вершины Творцов покидал свои жилища. В свете луны отражалась глянцевая поверхность мощённых камнями улочек. Свет из цветных витражей окон превращал прогулку в таинственное приключение.

– Лаверия, завтра у тебя первый день обучения. Ты познакомишься с новыми творцами, у тебя появятся друзья, — шаги отца были неторопливыми и размеренными. — Магистры будут обучать тебя дисциплинам. Мой тебе совет: не обращай внимания на других, слушай внимательно на уроках. Любая наука в твоей жизни когда-нибудь может стать прикладной.

– А что такое прикладная? — любопытная девочка внимательно посмотрела на отца.

– Это когда знания ты можешь применить в обычной жиз-

ни. Приложить к решению житейских вопросов. Иногда бывает так, что прослушала ты что-то важное, что магистр рассказал, а в жизни, когда понадобилось – задача оказалась неразрешимой. Не потому, что она сложная, а потому, что ты просто отвлеклась на своих друзей, когда слушать надо было мастера.

Лавий подвёл девочку к фонтану. Разноцветные минералы отделки дна в потоках вод играли оранжевыми, зелёными, жёлтыми переливами. Брызги воды, ударяясь о камни, холодом обдали лица. Девочка поморщилась, вытирая пухлое личико ладонью.

– Что ты видишь? — поинтересовался отец.

– Вода, брызги...

– Ты заметила то, что коснулось в первую очередь органов твоих чувств. Шум фонтана и холод капель, но творец должен уметь созерцать и мыслить глубже. Этот фонтан для кого-то просто источник воды на площади, но в нём заложены мудрость и знания наших предков. Посмотри на эти перламутровые радужные камни. Аммолиты, их применяют шаманы, чтобы управлять водной стихией, вызывать дождь во время засухи.

– А кто такие шаманы? — девочка вглядывалась в воду.

– Как называется камень? — с улыбкой спросил Лавий.

– Ой, я забыла.

– Ты должна уметь концентрироваться на знаниях, иначе они будут поверхностными. Магистры могут пытаться дать

тебе знания, но если твой ум суетлив, ты не сможешь слушать и запоминать, — мужчина погрузил в воду ладони.

— Что такое суетливый ум? — повторив действия отца, Лаверия села на приступок фонтана.

— Мастер созерцания научит вас, как останавливать и направлять поток мыслей. Особенность аммолита не просто в магических свойствах, но и в том, что при воздействии химических веществ он разрушается. Так что, если вода в фонтане станет небезопасной, камни изменят свой внешний вид.

— Я всего этого сразу могу не запомнить, — Лави огорчённо вздохнула, переживая, что не оправдала ожиданий отца, — это значит, я — глупая?

— Нет, это означает, что каждому знанию своё время. Если ты будешь учиться прилежно, я смогу тебе рассказать много интересного, когда ты будешь к этому готова, — глаза отца наполнились слезами. Как хотел бы он дать девочке возможность беспечно играть с подростками и наслаждаться детством, но его время включило обратный отчёт.

Из-за шума ниспадающих потоков вод, Лавий не услышал, как сзади к ним подошёл мужчина.

— Приветствую вас! — почтенно склонив голову, обратился он к увлечённому диалогом парламентария.

— Доброй ночи, Нарэл, — кивнув в ответ, глава парламента попытался тоном продемонстрировать своё нежелание к общению в этот момент.

— О, чудо, какое дивное дитя! — наигранно воскликнул

собеседник, протягивая ладони в сторону Лаверии. — Ваша дочь, достопочтенный, невероятно красива. Позвольте мне стать первым мастером, чей холст украсит сие дивное создание.

— Нарэл, благодарю, это будет честью для нас, но мы обратимся позже, когда девочка станет немного старше.

Лаверия никогда раньше не слышала жёсткость в голосе отца, для неё это стало откровением. Дождавшись, когда посторонний уйдет во мрак ночи, девочка обратилась к папе:

— Это был злой творец?

— Нет, доченька, не бывает нехороших или плохих однозначно творцов, бывают ситуации, которые могут вызвать последствия, — Лавий протянул руку навстречу, — нам пора домой.

Опечаленный тем, что их с дочерью на прогулке увидел горожанин, мужчина шёл молча.

— А он правду сказал, что я красивая? — подходя к дому, прервала напряжённое молчание девочка.

— Ну что ж, раз ты такая к знаниям охотливая, вот тебе мой второй урок. Никогда не позволяй лести завладеть твоим разумом. Лстец слабее тебя, но окольцевать может как удав. Держись с теми, кто говорит правду.

— Значит я некрасивая? — Лаверия остановилась, с укором глядя на отца.

— Ты — забавная! — рассмеялся в ответ Лавий. — Никому не рассказывай то, чему я тебя учу, — задумавшись, продол-

жил, – только если своим детям.

– А откуда у меня дети будут, если я некрасивая? — проворчала девочка, нахмутив брови.

– Красивая! Успокойся, нас Леона заждалась.

Магистратура

Леона вошла в комнату Лаверии ранним утром, развешивая нарядные детали гардероба для первого праздничного дня обучения. С умилением посмотрела на девочку, которая спала так сладко, что её было жалко будить. Открыла окно, комната наполнилась ароматами цветущих деревьев из сада и щебетом птиц. Девочка пробудилась:

– Доброе утро, кормилица, мне уже пора вставать? — потёрла сонные глаза.

– Да, моя дорогая, сегодня у тебя важный день – первый день обучения, — нянечка подала девочке пушистое полотенце, — сейчас мы тебя помоем, нарядим.

– А меня папа с мамой поведут в магистратуру? — Лаверия потянулась, улыбнувшись.

– Лавий сегодня занят на работе, — Леона попыталась не выдать обиду в голосе за свою подопечную, — а мама сказала, что у неё недомогание и попросила меня сопроводить тебя.

Кормилица понимала, что всех детей приведут родители, и волнительно будут ожидать, когда магистры проводят их в классы. Только вот в судьбе Лави этот праздник будет омрачён тем, что девочку проводят не родные папа и мама, а обычная няня, даже не принадлежащая к династии творцов. Изменить что-то в отношении Веронии к родной доче-

ри Леона не могла. Она попыталась убедить её в важности присутствия мамы на церемонии, но отказ был резким.

– Леона, не переживай, я тебя очень-очень люблю — воспитанница прижалась к объёмной фигуре женщины, тщетно попытавшись обхватить её талию.

– Я тебя тоже очень люблю, маленькая хулиганка. Ты будешь самой красивой девочкой на этом празднике. Смотри, какое платье я тебе выбрала, — кормилица взяла в руки одеяние из струящегося шёлка нежного жемчужного цвета, с белым кружевом на воротнике. Продемонстрировала девочке, дождавшись одобрительного радостного взгляда, утешилась, что воспитанница не сильно огорчена.

Перед величественными сводами магистратуры собрались горожане. Лаверия рассматривала мраморную колоннаду, узкие витражи высоких окон, вьющиеся по стенам здания растения. Волнение обьяло при виде скопления людей, но собравшись с духом, девочка решительно зашагала в сторону входа. Кормилица приветствовала творцов, с гордостью следуя рядом. Она слышала, как горожане осуждающе перешёптывались друг с другом, заметив, что дочь главы парламента пришла на церемонию не с родителями. Всячески попыталась уберечь от этих наблюдений воспитанницу, отвлекая её беседами о красоте растений в палисаднике и архитектуре здания. Леона верила в то, что Лави – бойкая девочка и сможет противостоять любым нападкам со стороны сверстников. Но малышке рано бороться с волной завистли-

вых сплетен взрослых.

Взъерошенный мальчишка, в небрежной одежде, старательно ковырял поношённым ботинком землю в палисаднике. Леона отвлекла Лаверию от гула толпы, показав на одинокого ребёнка:

– Мне кажется, я нашла тебе друга, — прошептала она на ухо подопечной.

– Пойдем, познакомимся? — радостно отреагировала Лави, на этом празднике есть кто-то ещё, кто пришёл без родителей. Девочке не хотелось стоять рядом с теми, кто высокомерно рассматривал её.

– Привет, как тебя зовут? — мягко спросила Леона мальчишка.

– Я – Николас, сын Нарэла, — грустно ответил.

– А я – Лаверия, — опередила Леону в ответе девочка.

– Меня зовут Леона, я – няня Лаверии, — осторожно протянула руку в знак приветствия, — моя воспитанница немного смущается, и я была бы признательна, если ты сможешь ей освоиться.

– Вы можете на меня положиться. Обещаю, с вашей воспитанницей не случится ничего скверного, пока я буду рядом, — одёрнув борт пиджака, мальчик протянул руку в знак согласия.

Леона одобрительно улыbnулась:

– С таким защитником я спокойна за Лави, — оставив детей вместе, отошла немного в сторону, наблюдая за парад-

ным входом, чтобы не пропустить выхода магистра и начало церемонии.

Едва на ступенях магистратуры промелькнула фигура ректора в белой мантии, Леона, взяв за руки Лаверию и Николаса, поспешила к остальным.

Ректор, произнеся торжественную речь, пригласил новоиспечённых учащихся проследовать за ним в здание. Кормилица с нежностью обняла Лаверию, пожелала им с Николосом удачи в учёбе, подведя к ступеням детей, помахала рукой на прощание. Два маленьких творца, лишённые заботы и любви родителей, должны найти общий язык.

В просторной аудитории с дубовой кафедрой, амфитеатром возвышались скамьи для слушателей. Николас уверенно вёл Лаверию к самому высокому ряду. Дойдя до цели, заявил:

– Отсюда нам будет видно лучше всего. Мы с отцом рисовали фрески тут прошлым летом, — указав на настенные изображения деятелей наук, мальчик учтиво пропустил Лаверию вперёд.

– Николас, а тебе не кажется, что нам будет плохо слышно? — озадаченно спросила Лави.

– У тебя со слухом проблемы? – наклонившись, произнёс заботливо так громко, что остальные дети разом обернулись, — не стесняйся, я никому не расскажу.

– Нет у меня проблем со слухом, но вдруг магистр тихо говорить будет, — притянув за борт пиджака, чтобы не при-

влекать внимание остальных, процедила сквозь зубы, раздосадованная тем, что новоиспечённый друг привлёк так много внимания.

— Сидим тут, — плюхнувшись на лавку, деловито произнёс Ник, — слушайся меня, я обещал твоей няне присматривать за тобой.

— Я могу и сама, это Леона думает, что я беззащитная. Знаешь, как я по деревьям лазаю.

— Не верю, бла-бла-бла, — в голосе прозвучали нотки провокации.

— После занятий я тебе докажу, — самолюбие Лави было задето.

Магистр в синей мантии вошёл в аудиторию. Окинул взглядом присутствующих, остановив взгляд на ругающихся учениках в самой высокой точке зала. Удивлённо нахмурил брови, поднявшись на кафедру.

— Вы находитесь в храме знаний! — торжественно строго начал свою речь. — Ваше почтение к магистрам и дисциплинам должно быть безоговорочно. Внимайте каждому слову, которое исходит из уст наставников, и тогда, через пять лет обучения, в момент, когда ваша сила проявится, вы сможете претендовать на должность парламентария.

— Враки это всё, — прошептал Ник на ухо Лави, — места в парламенте давно расписаны. Мой отец видел, как глава парламента обучал свою дочь вчера у фонтана.

— Молчи! — возмутилась девочка, поняв для себя, что

Нарэл — отец Николаса, и дружба их с мальчиком продлится недолго. Стоит только Нику понять, что она и есть — дочь главы парламента, он сразу отвернётся от неё.

Лави пыталась изо всех сил вникать в приветственную речь магистра, но мысли её блуждали в поисках ответов на вопросы, которые свалились неожиданно. Девочке вовсе не хотелось быть особенной среди учеников, только лишь потому, что её отец — глава парламента. Она рассматривала фрески, других детей, крутила нарядные манжеты своего платья, перебирая перламутровые пуговицы. Магистр говорил и говорил, но делал это не так, как привычно было в их доме, и для неё подобные голосовые волны были чем-то чуждым и невозможным к восприятию. Лаверии стало страшно: она лишь отрывками улавливает беглые фразы мастера, как же она сможет запомнить всё то, чему захотят её научить. Уткнувшись подбородком в раскрытые ладони, пыталась делать вид, что слушает, но в голове одна мысль сменялась другой. Отец сказал, что магистры покажут город, интересно, когда прогулка? А ещё надо обязательно доказать Николасу, что она безупречно лазает по деревьям. А когда будут кормить и кто из присутствующих детей знает, что она — дочь Лавия?

— И только лишь закончив изучение всех этих дисциплин, вы сможете полноценно понять, в каком таланте заключена ваша сила, — завершил свою речь магистр. — У кого-то есть вопросы?

В аудитории повисла тишина. Лави прочувствовала, что она не одинока в своём непонимании, если все остальные тоже молчат. Ник поднял руку, дождавшись, когда магистр позволит ему сказать, поднялся:

– Вы сказали, что формирование парламента будет происходить из двенадцати сильнейших учеников магистратуры, а если вдруг сила творца не совсем подходит для службы в парламенте. Например: певец или художник, чем они смогут помочь там?

Магистр внимательно посмотрел на Николаса, удивлённый не по возрасту глубокому вопросу.

– Наше мироустройство подразумевает полное доверие духам наших прародителей. По-настоящему талантливый творец, способный к обучению, всегда может дать что-то своему народу. Вот ваш отец, чем он занимается? — мастер спустился с кафедры.

– Мой отец – обычный художник, — Ник скромно опустил голову.

– Что значит обычный художник? Вы, молодой человек, понимаете, что первые исторические знания мы смогли получить благодаря наскальной живописи? И если бы у нас не было этих знаний, исследований среды обитания, понимания, что исторически мы не возникли просто из неоткуда, сколько научных заблуждений у нас с вами было бы сегодня? — Магистр поднял вверх руку, обводя свод аудитории. — Архитектура – она рождается сначала на рисунках и в во-

ображении художника. Вы по-прежнему будете настаивать на том, что достойны произносить слово «обычный» в отношении вашего отца?

— Нет, — с радостью в голосе ответил мальчик, — то есть шанс стать парламентарием есть у всех жителей Вершины Творцов?

— У двенадцати лучших учеников магистратуры, и возможно, когда-нибудь мы поймём, что имели честь сегодня беседовать в вашем лице с будущим главой парламента. Назовите своё имя, я обязательно проверю через семь лет, насколько вы сильно верили в свою мечту, — мужчина вернулся за кафедру, раскрыл объёмный фолиант, макнул перо в чернила.

— Меня зовут Николас, сын Нарэла, — гордо продиктовал мальчик, вдохновлённый словами мастера.

— Хорошо, кто ещё хочет, чтобы его имя было в списке? Возможно вы? — магистр указал на Лаверию.

— Нет, я не готова, — Лави сжалась, но почувствовав, как Ник больно стукнул её ботинком по ноге, оживилась, резко встала. — Я Лаверия.

— Лаверия, расскажите нам – каков талант творца у вашего отца? — магистр, желающий даровать надежду каждому ученику, замер в ожидании ответа.

— Я не знаю, у нас в доме не принято об этом говорить, — поймав на себе осуждающие взгляды сверстников, выдавила, — моего папу зовут Лавий, он – глава парламента.

По аудитории раздалась перешёптывания.

– Прошу тишины, — постучав по кафедре, прервал разговоры магистр. — Вот яркий пример того, как устроена на плато жизнь. Сын художника и дочь главы парламента сидят рядом, что подчёркивает тот факт, что в нашем городе все равны. Шанс достичь успеха есть у каждого. Но не у всех есть желание стремиться в парламент.

– О чём мечтаете вы, Лаверия?

– Посмотреть наш город и поскорее пойти домой, — ответила честно Лави.

Магистр рассмеялся в ответ:

– Возможно, в вас таится дух исследователя. Уверен, вы обязательно найдёте дисциплину, которая увлечёт вас своими тайнами и загадками настолько, что через несколько лет вас с трудом можно будет выпроводить из аудитории.

Лаверия была уверена, что это не так. Но почтительно кивнула, дождавшись от магистра позволения сесть, расправив подол юбки, расположилась на своём месте. Заметив, как Ник отодвигается от неё, расстроилась. Если он и был зол, то не на неё, а на то, что слышал от своего отца. Первое занятие ещё не успело завершиться, а у неё уже желание сбежать домой, обнять кормилицу и никогда больше не возвращаться в стены этого холодного храма науки. Семь лет – звучало как приговор. Не важно, что сулили ей годы обучения в плане сокровищ знаний.

Стоило магистру покинуть аудиторию, как девочки с шу-

мом подбежали к Лаверии. Каждая пыталась заговорить первой, наперебой расхваливая наряд, и уточняя, правда ли, глава парламента – её отец. Ник по-прежнему не общался с ней, поднялся, освободив место для новоявленных подруг Лаверии, визжащих от восторга, медленно спустился по лестнице и вышел из помещения. Он не вернулся на своё место и после того, как магистр истории вошёл в аудиторию. Николас сел в первый ряд – девочка поняла, что её радость от того, что нашла друга, была мимолётной. Да, она стала центром внимания, но не из-за того, что она особенная, а лишь потому, что особенный её отец.

Магистр истории располагал к себе своим добрым взглядом и вкрадчивой, спокойной речью. Как и предполагала Лаверия, говорил он тихо, поэтому девочка снова ловила информацию лишь частично, но и вникать в слова не могла. Эмоции перебивали возможность слушать. Слёзы предательски наполняли глаза, неужели ей придётся всю свою жизнь быть в тени достижений собственного папы? Авторитет его будет выбирать ей друзей, отсекает то, что ей самой интересно и требовать соответствовать статусу величайшей династии. Ник, он другой – настоящий, живой. А девочки, которые хвалили её банты и пытались расспрашивать про отца, они же и есть та самая лесь, о которой вчера говорил папа.

– И поэтому сейчас, мы с вами вместе, по древней традиции нашей магистратуры, отправимся на экскурсию по горо-

ду, — мастер улыбнулся, ожидая, когда дети завершат свои громкие ликования. — Вам необходимо построиться в пары.

Дети сбежались к выходу. Каждый боялся оказаться не в той паре, в спешке забыв про статусы. Лаверия, отметив, что пары ей не нашлось, спустилась и встала одиноко в стороне. Николас оживлённо беседовал с рыжеволосым мальчишкой, держа его за руку. Лави смотрела со стороны, понимая, что данное им обещание забылось легко. Магистр, заметив огорчение ученицы, протянул руку навстречу девочке:

– У меня тоже пары нет, вы составите мне компанию в этой прогулке?

– Я вам признательна, — ответила, едва сдерживая слёзы обиды.

Манускрипт

Полуденное солнце по-весеннему ласково согревало улицы плато. Прохожие замирали в созерцании новоявленных учеников магистратуры. И в этом для детей была своя, особенная гордость. Каждый из них, ещё вчера, накануне вечером засыпал в тревоге от предвкушения волнительного первого дня обучения, а сегодня уже шагает по городу в сопровождении мастера на церемонии знакомства с Вершиной Творцов.

Магистр истории Дорион, заботливо опекая своих подопечных, следовал сзади, сжав руку Лаверии. Полы его праздничной белой мантии струились до самой земли, ложась при движении на каменную поверхность улицы. Лави старательно наблюдала за шагами мастера, чтобы не наступить на светлую ткань. Теперь ей отчётливо было слышно каждое слово магистра, и перед ней открывался новый мир.

– Исторически наши предки сначала населили район, в котором и сейчас располагаются жилые кварталы. Позже, когда были спроектированы новые строения, парламент принял решение отделить научный квартал. Первое здание, созданное в этой области города, и есть наш храм науки – магистратура. Сегодня мы с вами посетим библиотеку, в которой хранится манускрипт прародителей, — рассказывал Дорион увлечённо, пытаясь вложить в маленьких последовате-

лей интерес к своему предмету и любовь к родному городу.

Невысокое светлое здание с белой дугообразной крышей возвышалось за стройными рядами кипарисов. Колоннада переходила во фронтон, украшенный барельефом раскрытой книги.

– Прошу обратить ваше внимание, форма библиотеки и система вентиляции подразумевает круглогодичный контроль температуры внутри помещения. Это важно для сохранности древних фолиантов. Многие из них хранятся в специальных резервуарах из минерального стекла. Руками трогать экспонаты исторического зала запрещено.

Увесистая дверь распахнулась, выпустив навстречу запах кожаных переплётгов, папируса и чернил. Лаверия влюбилась в этот аромат с первой встречи. Неизвестно, что больше повлияло на девочку: умиротворяющий голос Дориона, солнечные лучи, бегущие в темноте по мраморному полу, или отголоски предков династии.

Каждый ученик по-своему открывал дисциплины и в момент безмолвного замиранья, магистры могли чётко определить расположенность потенциала. Но до момента пробуждения силы углубляться в знания по конкретному предмету не позволялось. В пятнадцать лет предстоял выбор наставника, некоторые магистры с нетерпением ждали, когда полюбившийся им подопечный захочет связать жизнь с их наукой.

В центре просторного вестибюля располагалась винтовая

лестница с изящным кованым ограждением, Дориан пояснил детям, что под куполом библиотеки располагается кафедра астрономии, которую им предстоит посещать на третьем году их обучения в магистратуре. В период основания кафедры выяснилось, что именно с этой точки обзор для телескопов оптимальный. А так как форма крыши подразумевала возможность инженерных сооружений для механических люков, было принято решение расположить оборудование здесь. Поэтому на первый взгляд нелогичное размещение лестницы – это не задумка архитекторов проектировавших первозданного вида библиотеки. Заинтересованность детей попасть на второй этаж отвлекла от созерцания убранства зала.

Навстречу по узкому коридору шла утончённая женщина, в тёмных зауженных брюках и приталенной светлой рубашке. Ученики удивлённо осматривали её внешний вид. Всё детство они созерцали дома отцов в мантиях и матерей в платьях, а тут женщина в брюках. По залу эхом раздались возгласы.

– Рада приветствовать вас в гостях нашего книжного мира. Поздравляю с началом обучения, — прервала разговоры библиотекарь, — Меня зовут Меллори, сегодня я покажу вам несколько залов библиотеки. Следуйте за мной!

Лаверия не сводила глаз с женщины, представляя, насколько удобно в таких одеждах лазать по деревьям. Наблюдая за осуждающими насмешками других детей, ей так хо-

телось встать на защиту этого невероятного наряда, что от возмущения она вцепилась в ладонь Дориона.

— Вас что-то беспокоит? — отреагировал на давление магистр.

— Почему они над ней смеются? — злость изменила выражение лица Лави.

— Не волнуйтесь, сейчас Меллори объяснит, почему она выглядит именно так, — снисходительно улыбнулся в ответ Дориан.

Периметр центрального зала обрамляли упирающиеся в потолок стеллажи. Ряды читательских столов увенчивались стойкой кафедры выдачи книг. Меллори остановилась в центре зала.

— Мы находимся в читальском зале, на кафедре выдачи есть каталог книг. Для того, чтобы стать посетителем нашей библиотеки, вам необходимо завести формуляр читателя. Эта процедура важна для сохранности нашего фонда. У каждой книги есть своё место на стеллаже, после запроса, — Меллори подошла к кафедре, взяла маленькую чёрную коробочку с кнопками, — я отправляюсь к месту расположения книги, нажав на кнопку, Меллори продемонстрировала, как высокая лестница, скользящая по металлическим полозьям, остановилась у нужного ей стеллажа. Бойко взобравшись на самую верхнюю ступень, библиотекарь достала нужный ей фолиант. — Надеюсь, теперь у вас не возникает вопросов, почему у меня такой странный вид одежды? — доброжела-

тельно обратилась она к ученикам, спустившись вниз.

Лави была очарованна происходящим. Озираясь вокруг, девочка подняла взор на свод купола, на нём она впервые увидела карту древней Визарии. Окружённый водами океана материк с обозначенной точкой Вершины Творцов. Если их город лишь точка на карте, какая же безграничная сама Визария? – задумалась Лави. Дориан, заметив интерес девочки, отвлёкся от остальных.

– Не правда ли потрясающе? — наклонившись к Лаверии, спросил он, — для изучения Визарии у вас будет дисциплина – дипломатия. Магистр Шима расскажет вам тонкости жизни внизу.

– А это когда будет? — любопытство девочки не унималось.

– Всё в этом мире имеет своё место и время, — прислонив указательный палец к губам в жесте «тихо», Дориан выпрямился, заинтересованно продолжил наблюдение за учениками и Меллори.

– По традиции первого посещения библиотеки, я устраиваю игру: нажимаю случайную кнопку на пульте и беру книгу, которая послана духами кому-то из вас. Итак, — Меллори распахнула кожаный переплёт, инкрустированный разноцветными камнями. — Путь Дракона, — удивлённо посмотрела на магистра.

– Возможно, это иносказательная легенда метафорического смысла, игра конечно увлекательная, но нам следует

успеть до праздничного пиршества осмотреть исторический зал, — Дорион подошёл к Меллори, положив руку на фолиант, строго прошептал ей что-то на уху.

— В историческом зале вас ожидают уникальные экспонаты, — скрывая неловкость, Меллори спрятала книгу в выдвижной ящик стойки.

Хранилище ценных экспонатов оказалось небольшим залом, в котором в центре, на мраморном постаменте, в кубе из минерального стекла располагался манускрипт прародителей.

— Прежде, чем мы перейдём к манускрипту, расскажу вам о том, чем пользовались для письма до появления бумаги. На стенде справа вы можете наблюдать бережённые от вандализма и невежества людей предметы. Первобытные люди носили на скалы символы и рисунки, именуемые петроглифами. Обратите внимание, на этот экземпляр: кость животного с вырезанными знаками — это называется пиктограммы — один из видов предписья. Дерево, кость, кожа, глина, камни, металл, папирус — всё применялось для возможности передачи потомкам важной информации! — Дориан подошёл к стеклянному стенду, освещённому энергетическим средоточием. В ниспадающих лучах света на полках располагались предметы древности.

Дети последовали за магистром, стараясь увидеть как можно больше, столпились рядом. Лави ожидала, когда интерес других спадёт, чтобы подойти, посмотреть без лишней

суеты. Она зачарованно смотрела по сторонам, рассматривая хранилище, настенные фрески, минералы, источающие энергию освещения. Ей нравилось открывать свой, какой-то неведомый другим мир, замечать для себя что-то важное, цепляться любопытным взором за то, что скрыто от посторонних. А ещё ей очень хотелось рассмотреть Меллори детально, но это было бы некультурно. Когда дети вместе с Дорианом отошли от стенда к манускрипту, Лаверия занялась изучением таинственных артефактов предписья. Библиотекарь, подойдя к ней, шёпотом рассказывала про экспонаты.

– А что такое вандализм? — не выдержала маленькая девочка, — я просто забуду это слово, пока папу дождусь.

– Это когда кто-то вредит и разрушает достояния культуры и искусства, — женщина взяла Лави за руку.

– А зачем они это делают?

– Возможно, просто злятся, что сами не могут творить, трудно объяснить. Но наша задача – уберечь и сохранять произведения искусства. — Меллори подвела Лаверию к остальным ученикам. — А твоя задача внимательно слушать магистра и не отвлекаться.

– Спасибо, я буду стараться, — в голубых глазах девочки выражалось искреннее восхищение.

Манускрипт был огромен, но из-за рисков выцветания чернил доступен был лишь просмотр его переплёта и потрёпанные края книжного блока. Магистр рассказал, что есть современные экземпляры содержимого манускрипта, кото-

рые и составляют основы жизни Вершины Творцов. Все правила и своды законов, записанные в рукописи, за много лет не менялись. В этом и есть стабильность плато: чтить историю, соблюдать заветы предков и стремиться к раскрытию собственного таланта. Дети, уставшие от непривычного объёма информации, начали отвлекаться на общение друг с другом. Заметив это, Дориан объявил: им пора возвращаться в магистратуру, на праздничный обед, после которого их заберут родители.

В просторном обеденном зале было шумно. Лави с волнением ожидала завершения трапезы, чтобы поскорей её забрали домой. Другие дети смогли уже подружиться друг с другом, только вот у девочки это совершенно не получалось. Она не могла понять, что же в ней не так, почему не хотят с ней разговаривать и веселиться? Наблюдала за улыбками и разговорами, пытаясь стать частью новой компании. Ник рассказывал рыжеволосому мальчику что-то увлекательное, разводя руками в сторону. После того, как мальчик узнал, что Лаверия – дочь главы парламента, он ни разу не посмотрел на неё и не заговорил с ней. Всё вокруг будто кричало ей: ты здесь чужая, тебя не приняли. Дождавшись, когда магистр Дорион объявил о том, что можно идти на улицу, где уже ждут родители, Лави торопливо направилась к выходу из зала, встав около двери в ожидании других. Но все проходили мимо, поглощённые беседами. Девочка волнительно поправляла кружевной воротник платья, стараясь скрыть

своё настроение. Магистр не смог сдержать участливое переживание за судьбу малышки. Отвлекая беседой, сопроводил Лаверию к выходу, где уже ожидала кормилица. Девочка бежала в распахнутые объятия Леоны, когда няня обняла её, Лави, уставшая скрывать свою обиду, разрыдалась. Кормилица прижала к себе девочку, поглаживая по голове:

– Что случилось, милая? — спросила она, получив в ответ лишь новый поток слёз.

Сердце кормилицы сжалось, как бы ни хотела она оградить ребёнка от волнений, первый день в магистратуре для подопечной остался в памяти печалью.

Отец

— И если печали твои глубоки, пора отправляться на берег реки, — начал общение Лавий с дочерью. Леона рассказала ему о настроении девочки, которая не хотела категорически говорить, что же её огорчило. — Эту песню мне пела в детстве мама, я всех слов не запомнил, а эти почему-то помню. — сел на траву рядом с дочкой в саду. — Как прошёл твой первый день?

– Плохо! Меня никто не любит, — задумчиво ответила Лави, выдёргивая с комьями земли зелёную поросль.

– И ты решила отомстить за это нашему саду и сделать его лысым? — посмотрев на кучку травы рядом, спросил с иронией.

– Ты меня не поймёшь.

– А ты расскажи, может, мы сможем что-то исправить вместе? — отец обнял малышку. — Как ты смотришь на то, чтобы прогуляться к реке?

– К реке? — Лави смахнула рукой с глаз слёзы, шмыгнула носом, — сейчас?

– Да, сейчас, если ты не сильно устала после учёбы.

– Я хочу к реке, — оживилась девочка.

Из окна спальни за прозрачной вуалью занавески за супругом и дочерью наблюдала Верония. Поняв, что муж снова направляется за ворота с Лаверией, уже не спросив её со-

гласия, женщина нервно задёрнула шторы, отойдя от окна. Никто в этом городе не способен понять горечь заточения в доме главы парламента. Она – узница, теперь уже лишённая права слова в воспитании дочери. Раздражение жаром охватило тело. Подойдя к зеркалу, женщина увидела, как шея её от ярости краснеет под серебряным амулетом. Смочив в настоях трав белый хлопок, мать вернулась в постель, накрыв голову влажной тканью. Есть то, что контролировать внутри себя ей становится сложно. Ярость копится с каждым днём.

Если Лавий узнает когда-нибудь, что в династии Веронии были тёмные маги, он не простит её семье подделку записей генеалогического древа. Их низвергнут в долину к простым смертным за ложь. Его гнев остановить будет невозможно. А ей надоело сидеть за стенами дома в ожидании, когда супруг уделит ей несколько минут своего драгоценного времени. Но и изменить что-то уже нельзя. Лишь затухать медленно в четырёх стенах.

Солнце катилось за горизонт, Лави шла с папой по узкой тропинке между скал.

– Запомни – это секретное место, никогда сюда никого не приводи, — пытаюсь увлечь девочку ореолом тайны, Лавий осторожно прощупывал ногами дальнейший путь, чтобы камни под ногами не посыпались.

– Я обещаю тебе, — шёпотом ответила девочка, погруженная в новые для себя эмоции доверия ей сокровенного.

Шумные воды реки огибали каменистый берег. Потоки бурлили, сливаясь с гор водопадом вниз, в долину Визарии. Перед ними открывался вид на равнину под Вершиной Творцов, устланный бескрайним простором хвойного леса.

– Когда-то наши предки поднялись на эту вершину, в попытке скрыться от гонений людей. Получается, что их тоже никто не любил? — задал вопрос папа.

– Нет, ну как, они же любили друг друга, если вместе все собрались и пошли? — девочка попыталась жестом передать удивление от того, что отцу непонятны совершенно простые вещи.

– Вы в библиотеке были сегодня? — продолжил Лавий.

– Да.

– Ты видела манускрипт прародителей?

– Его нам не показали, там под кубом он закрытый, — выдохнула огорчённо малышка.

– Вот и я его не видел, у нас доступ есть только к его копи-

ям. И там, доченька, своды правил, которые не о любви друг к другу, а как предостеречь от ссор и конфликтов жителей Вершины Творцов. Значит, и тогда уже были недопонимания? — отец наблюдал, как луна сменяет солнце на небосводе, — все мы разные — это данность. Для того чтобы обрести близких людей, иногда стоит познать, что такое — чужие.

— Но мы же здесь все — один народ?

— Да, но у каждого есть свои мечты и стремления, амбиции, и ограниченное количество мест в парламенте. Не обольщайся дружбой в детстве, вы всё равно неизбежно достигнете возраста, когда один другого предавать будет ради места под солнцем.

— Грустно это как-то, — Лави подняла камень с земли и бросила в реку. — Давай лучше камни кидать. А то я совсем запутаюсь с этим вашим манускриптом, вандалмизмом, и именами магистров.

— Каким ещё вандалмизмом? — Лавий с трудом сдержал улыбку.

— Пап, ну что ты, не знаешь что ли? Мне Меллори рассказала — это разрушение первобытных рисунков.

— Да, судя по всему, с учёбой у нас будут проблемы, — рассмеялся отец, — «вандализм» — ты хотела сказать.

— Ты же меня понял, я итак весь день тебя ждала, старалась не забыть слово, — Лаверия замахнулась, пытаясь бросить камень в реку как можно дальше.

— И решила устроить вандалмизм в саду? Ну и характер...

— подняв камень с земли, отец присоединился к увлекательному занятию. — В кого ты только такая пошла?

— В тебя, наверно. Я вот сегодня сначала нашла друга, а потом он меня предал.

— За один день и нашла, и предал? — мужчина покачал головой, приподняв в ухмылке брови.

— Да, он как узнал, что я — твоя дочь, сразу от меня отсел и больше не разговаривает.

— А девочки? Тебе же с девочками дружить надо.

— Не знаю, пап, сложные они какие-то все, сначала хвалят, потом — не хотят дружить.

— А ты сама пыталась с кем-нибудь заговорить первая? — вглядываясь в свете луны в лицо дочери, отец ждал ответа.

— Нет, зачем? — девочка удивилась.

— А как ты тогда дружить хочешь? А с мальчиком этим говорила, почему он отсел?

— Нет! Что мне за ним бегать что ли? Ты такие вопросы задаёшь непонятные.

По небу рассыпались яркие созвездия, мерцая в темноте ночи.

— Я бы тоже с тобой дружить не стал, — попытался подшутить над девочкой отец, — слишком уж ты гордая. Если хочешь, чтобы к тебе подошли, попробуй иногда сделать шаг навстречу. Заговори первой, интересуйся делами детей, в чём можешь, помоги, где-то спроси, что непонятно тебе.

Разве Леона тебя этому не учила?

— Вообще-то других детей не кормилицы водят и учат, а их родители.

— Ах, так вот оно в чём дело! Ты огорчилась, что мы не смогли тебя повести в твой первый день в магистратуру?

— Лавий взял девочку за руку, — извини, у меня такая работа. Пойдём домой.

— А мама? — следуя за отцом, девочка аккуратно ступала в темноте.

— А мама, она заболела, но потом обязательно будет водить тебя на учёбу, — понимая, что с этой ситуацией надо что-то делать, глава парламента притих, уходя в свои мысли.

Прохладный весенний ветер из открытого окна развивал тюль балдахина. Лавий тихо вошёл в спальню супруги, подошёл к кровати, отодвинув рукой прозрачную ткань.

— Верония, ты спишь? — в свете луны попытался различить силуэт жены.

Супруга поднялась, недовольно буркнув. Перед мужчиной предстало лицо, накрытое тканью.

— Что надо? — стягивая с лица белый хлопок, женщина посмотрела на мужа.

— Ты как египетский фараон, — пошутил Лавий.

— Смешно! — ответила с сарказмом.

— Опять головная боль терзает? — в голосе супруга проявилась забота. — Я тебя очень прошу, давай мы обратимся к лекарю, не может же столько времени это продолжаться.

Ты сама устала уже! — глава парламента сел на кровати рядом.

— Спасибо, я справлюсь, — тронутая неожиданной лаской Верония прижалась к мужу.

— Ты уверена?

— Да, вполне. Ты же знаешь, у меня повышенная чувствительность к магнитным бурям.

— Хризопраз в амулете не спасает? — удивлённо спросил Лавий, зная, что это камень помогает метеозависимым.

— Нет! Видимо, мой организм сильнее минералов.

— Твоей стойкости можно только позавидовать, сильнее камня мало кто, может быть, — попытался подбодрить женщину, обняв крепко.

Супруга впервые за долгие годы почувствовала давно забытую нежность. Внутри неё встрепенулась та девочка, которая верила ему безгранично всегда. Когда-то она смогла забыть в руках сильного мужчины боязнь собственного отца. И вот сейчас, вспоминая первые годы совместной жизни, её лицо засветилось в беспробудной мгле ночи. Лицо Лавия осветилось лучами света жены.

— Как давно мы не были просто вместе... — надежда на то, что она сможет вернуть прежние отношения, смягчила сердце Веронии.

— Я хотел бы с тобой поговорить о нашей дочери, — считая, что момент подходящий, перешёл к истинной причине визита.

– Говори, — сухо ответила она. Свечение исчезло.

– Нашей девочке необходима забота матери, — попытался убедить влиянием.

– У неё есть кормилица и ты. Не стоит за неё переживать.

– Верония, ты не понимаешь, ей нужна мать!

– Нужна по регламенту? Ты же не о ней сейчас говоришь, о себе, Лавий. Ты боишься: Вершина Творцов не примет то, что семья главы парламента не подаёт пример, достойный статуса.

– Верония, я говорю о ребёнке! Нельзя быть такой жестокой.

– Лавий, мне надоело играть роль счастливой жены, на роль хорошей матери меня, прости, уже не хватает, — поднялась демонстративно, смочив в настое с травами ткань. Легла, накрыв лицо.

– Верония, я с тобой разговариваю!

– Уйди, мне плохо.

Лавий вошёл в свои покои, коснувшись минерала рукой, зарядил его силой свечения. Муж, покоровший стихии, наделённый властью над народом творцов, оказался бессилён перед лицом любимой когда-то жены, матерью его ребёнка. Время беспощадно приближало его уход, но как сможет он оставить дочь на Леону – обычную женщину из земли Визарийской? Как молить прародителей о судьбе его любимой малышки? В раздумьях сел за стол, макнул в чернильницу перо. Лишь с рассветным солнцем работа главы парламента

была завершена.

Парламент

— Господа парламентарии, хотел бы обсудить ряд инициатив, которые являются дополнениями к системе управления, — Лавий всматривался в лица присутствующих заседателей, которые восприняли начало его речи негативно. Разложив перед собой записи доклада, над которыми он кропотливо трудился почти всю ночь, глава парламента продолжил свою речь. — Мы чтим законы манускрипта прародителей, много веков соблюдая их беспрекословно, но сегодня неизбежно требуется обсуждение внедрения дополнений.

По залу раздались удивлённые возгласы.

— Мы не должны изменять существующую систему, на этом базируется стабильность плато, — высказался один из парламентариев.

— Я прошу лишь услышать меня, а потом вынести на голосование предложения, — сжав давлением мыслей разум присутствующих, глава организовал тишину на заседании. — Вершина Творцов развивается – это показатель вашей хорошей работы. Процветание народа ведёт к увеличению численности населения. Рождаются дети, растёт продолжительность жизни. Но, насколько вам известно, географические критерии вершины имеют ограниченный потенциал. Это может привести к перенаселению Вершины Творцов и продуктовому дефициту. Помимо этого, уход творцов с земель Ви-

зарию вызвал засуху, что привело к снижению урожая внизу. Как думаете, насколько велика вероятность, что люди, истощённые голодом, не объединятся с пустошью Геримора с целью напасть на нас? — глава парламента снизил уровень давления, ожидая мнения других парламентариев.

– С земли Визарии наши предки ушли давно, однако люди не посмели напасть на Вершину за всю историю города. Вы, как глава парламента, как творец, должны созидать позитивные волны для поддержания безопасности Вершины, — заявил один из присутствующих, дождавшись одобрительных возгласов, — то, что вы сейчас произнесли, противоречит канонам.

– Согласен и вы можете открыть процедуру по снятию с меня полномочий путём голосования. Но есть объективный анализ ситуации. Сколько бы вы не ходили к флюоритовому порталу на общение с духами, решение в ответ на подобные разговоры будет – уменьшение численности населения. Творцы потеряют родных. Нам придётся снижать уровень печали населения, чтобы возобновить их вдохновение. Лишь потому, что вы отказываетесь открыть свои глаза и принять ответственность за свой народ, а не перекладывать на волю предков, — Лавий от напряжения подался вперёд корпусом, — есть ещё один важный нюанс – среди подрастающего поколения, амбиции стать парламентарием превышают уровень допустимой конкуренции. Они увлечены не науками, а желанием занять пост в парламенте.

— Это вам дочь рассказала, которую вы собственноручно хотите ввести на должность главы парламента, избрав приемницей? — провокация неизбежно вела к снижению уровня авторитета главы парламента.

— Вы прекрасно понимаете, что членство в парламенте и должность главы не подлежат наследственной передаче. Если она достойно проявит себя, как претендент, я не стану запрещать ей участвовать в экзаменах, на общих основаниях, — Лавий попытался сохранить эмоциональное равновесие, — мы можем бесконечно упрекать друг друга в ошибках или праве выбора, но это не улучшит перспективу. И уж точно не запретит мне проявлять свои отцовские обязанности в отношении дочери, — окинув взглядом присутствующих, вернулся к теме заседания, — В связи с вышеизложенными обстоятельствами предлагаю вам ввести дополнительные органы власти. Наладить торговое сообщение с долиной Визарии, за счёт формирования торговой палаты и дипломатического отдела. Заинтересованность людей в обмене товарами снизит риски их объединения с пустошью. Сформировать орден Лазуритового купола, выделив двенадцать служителей, задачей которых будет удержание купола, что поможет парламентариям высвободить часть энергии для увеличения эффективности созидания. Открыть дипломатический отдел для налаживания связей и исследований земель с целью создания новых поселений творцов. Теперь вы можете высказать своё мнение, которое готов выслушать и принять.

– Увеличивая число органов власти, мы снизим интерес к ремёслам и духовным санам, — прозвучало мнение. — Это нарушит баланс стабильности.

– В перспективе рост конкуренции за место в парламенте, разовьёт вражду среди потомков. А численность их превышает численность нашего поколения, что позволяет безболезненно для общества выявить служителей новых отделов.

– Я настаиваю на том, что процветание нашего народа зиждется на канонах. Изменяя манускрипт, мы изменим отношение к нам духовенства и высших сил, — один из членов парламента попытался манипулировать другими.

– Мы не изменяем манускрипт, мы вносим дополнения, — Лавий отошёл от кафедры, сев за стол заседаний, вместе с другими парламентариями. — Мы же не можем запретить рожать, вводя ограничение по количеству детей в династии. Разве запрет на рождение детей не будет претензией на то, что мы себя ставим выше основателей Вершины?

– Считаю, что необходимо рассмотреть на голосовании несколько вопросов. Первый – о доверии главе со стороны членов парламента. И лишь потом приступить ко второй части голосования, с рассмотрением внесённых инициатив, если в этом будет необходимость после решения первого вопроса, — член парламента посмотрел на реакцию присутствующих. — Если возражений нет, предлагаю провести голосование по вопросу о доверии вам... Анонимно. В ваше отсутствие, учитывая фактор способности управления при

помощи телепатии.

– Со своей стороны возражений не имею. Могу удалиться из зала, — Лавий, сделав выводы по напряжённому молчанию собравшихся, поднялся, покинув зал заседаний.

Результаты голосования о доверии главе парламента оказались в его пользу с перевесом лишь в один голос. Глава понимал, что при такой зыбкой поддержке, неизбежно сформируется раскол парламента. Причина не во внесённых инициативах. Они были лишь лакмусовой бумажкой настроя парламентариев. Он слишком долго занимает свой пост, чтобы продолжать удерживать его слабеющей энергией внутренней власти. Дополнения о создании новых отделов поддержал лишь один из голосующих. Лавий поблагодарил присутствующих, сложил записи в объёмный фолиант протокола заседания, приступив к рассмотрению текущих вопросов об иллюзорном благополучии Вершины Творцов.

Как хотелось бы ему верить, что он не прав и прогнозируемые риски давно учтены высшими силами, но расчёты его усиливали мысли о реальности угроз. И если сегодня отклонили инициативы, в недалёком будущем придётся или воевать с коалицией людей и пустошью Геримора, или подавлять агрессию конкурентных битв внутри Вершины. Для творцов энергия сражений – причина снижения потенциала. Народ уже успел за два дня разнести молву о прогулке отца с Лаверией, значит, и поддержка главы со стороны населения снизилась. Неизвестно что произойдёт раньше: снятие его с

должности или открытие портала предков, для его перехода в мир прародителей. В любом случае, опозорить династию и обречь Лаверию на порицание горожанами, он не должен. Слишком тяжёлая ноша ляжет на плечи его единственной малышки.

Надежда на то, что девочка обретёт друзей, любовь, и успеет раскрыть силу до его смерти – утешала. Только сны тревожные покоя не давали. Он пытался противостоять неизбежности, побороть страшные пророчества о судьбе Лаверии. Его выступление в парламенте было провальной попыткой изменить судьбу Вершины Творцов. Но вдруг когда-нибудь, кто-нибудь из тех, кто придёт после, найдёт протокол заседания и проявит смелость, одоблив дополнения. Это обеспечит безопасность новых поколений и поможет развиваться народу творцов, расширив географию их пребывания. Иначе... Об этом хотелось думать меньше всего. Носители зерна Творца не могут превратиться в народ, воюющий друг с другом. Но после речей парламентариев выяснилось: каждый горожанин делает свой выбор, распространяя сплетни и осуждая его за то, что он проявил свой выбор приемника в пользу дочери. Верония предупреждала, но он не рассчитал силу своей власти, а она таяла с каждым днём, вместе с его талантами. Объявить народу о близости исхода – признаться в собственной слабости. Нет, он уйдёт достойно. Только вот слухи по городу об инициативах неизбежно дойдут до духовенства, и могут быть расценены ими, как по-

пирание законов предков. Возможно, есть что-то в древних фолиантах, хранимых в библиотеке, что поможет ему найти ответы, как выйти из ситуации, опираясь на исторические прецеденты.

В библиотеке в полуденный час посетителей не было. Минував просторный вестибюль, Лавий вошёл в основной зал. Он не был здесь так много лет. Книжное собрание в его покоях отвечало на все правовые вопросы, которые редко бывали сложными. Но это другой случай. Кафедра регистрации пустовала, глава парламента в ожидании сел за читательский стол. Во времена его последних визитов, служитель книжного мира – Азур знал предпочтения Лавия. Но многое изменилось с тех пор. А самое главное, он знал, что мудрый Азур уже ушёл в портал прародителей. Сзади раздались громкие шаги. Мужчина обернулся. Навстречу ему шла женщина, которую он не встречал прежде на улицах города. Да, население Вершины Творцов неизбежно росло, и то, что среди горожан всё чаще встречались незнакомые ему лица, говорило о том, что управлять народом только парламент уже не способен.

– Здравствуйте, чем могу вам помочь? — узнав в посетителе главу парламента, Меллори почтительно склонила голову.

– Добрый день, я бы хотел получить список фолиантов времён написания манускрипта, — Лавий встал, протянул руку для приветствия, поймав себя на мысли, что перед ним

женщина, резко убрал руку, стеснительно потеряв ладонь о мантию.

– У вас очень интересный запрос, — улыбнувшись, библиотекарь зашла за стойку, открыв каталог книг. — Из тех, что сохранились у нас, есть только запрещённые научным советом книги о драконах. Официально они изъяты из каталога... Но так уж сложилось, что я такая забывчивая, — Меллори подмигнула, — и просто не успела их уничтожить. Не люблю вандализм.

– Вандализм, — произнёс Лавий, вспоминая разговор накануне с дочерью. — Я так понимаю вы Меллори?

– Да, забыла представиться, я – Меллори, дочь Азура.

– Соболезную вашей утрате, ваш отец был невероятно мудр и талантлив.

– Благодарю вас! Это приятно слышать от человека, сделавшего так много для Вершины Творцов, — девушка посмотрела в глаза Лавия, в них мужчина увидел восхищение, которое необходимо было ему. Когда казалось, что все его труды во благо народа разрушены сплетнями и интригами игр во власть.

– Даю слово, я не расскажу никому о том, что вы ослушались учебный совет. Взамен на ваше согласие позволить мне изучить фолианты.

– По рукам, — протянув руку, Меллори, улыбнулась какой-то простой, без оттенка разницы статусов улыбкой, словно возвращая главу парламента во времена юношества.

– По рукам, — протянул в ответ руку, коснувшись женской ладони, с невероятно гладкой кожей.

В историческом зале, проход, сокрытый за объёмным шкафом, вёл в потайную комнату. Вдохновлённый Лавий поднял пылающие ладони, освещая узкий коридор. Такого прилива энергии он не испытывал давно. Виной этому определённно была пробуждённая в нём юношеская непосредственность. Ему не стоило замыкаться в собственных покаях, отвергая книжный мир. Глава парламента насыщался силой от древних фолиантов и близости к манускрипту. Он на верном пути. Прародители благоволят его идеям. Задуматься о том, что причина его бодрости в другом, мужчина даже не смел.

Тайное хранилище – тесная комната, в которой рядом со столом и двумя стульями располагались старинные деревянные шкафы с книгами.

– Меллори, скажите, почему вы доверились мне? — потерев свои ладони, мужчина коснулся настольного минерала, наполняя его свечением. Встряхнул резко кисти рук, прервав поток света из них. Минерал равномерно осветил комнату.

– Отец много мне рассказывал о вас. Я всегда надеялась, что вы придёте! — Девушка открыла дверцу шкафа, подтягивая на себя с верхней полки увесистые фолианты. Лавий, подошёл сзади, в стремлении помочь ей, приблизившись, ощутил трепетное волнение, с жаром пробежавшее по телу.

— Позвольте, я вам помогу? — сняв рукописи с полка, расположил их на столе. — Скажите, кроме темы драконов, какие ещё фолианты научный совет рекомендовал скрыть из общего доступа?

— На самом деле, процедура изъятия из библиотечного фонда информации — это явление редкое, всегда требует сопроводительных документов, которые хранятся в отдельной папке в архиве. Там указана причина изъятия и протокол заседания с подписями заседателей, — Меллори раскрыла кожаный переплёт одной из книг, задумчиво проведя ладонью по странице. — Но есть небольшая проблема....

— Какая? — заинтересованно посмотрел на девушку.

— После смерти моего отца из папки исчезла часть протоколов. До своего ухода в мир иной, отец передал мне лично ключи от тайной комнаты, запретив допускать кого-либо из научного совета к фолиантам. Систематизирование книг по тематике не производилось, для этого их необходимо исследовать человеку, обладающему достаточными знаниями в области истории, политологии и дипломатии. А насколько вы понимаете, времени на это у служителей библиотеки нет. Наше отсутствие в общем зале может вызвать подозрения и поиски этого помещения, — Меллори глубоко вздохнула, — приступая к исполнению своих обязанностей, мы становимся хранителями книг. Поэтому уничтожать древние записи не имеем права, даже, если это идёт вразрез с мнением современного учёного совета. Меняется отношение к истории,

но не меняется сама история.

— Я попробую вам помочь в изучении этого достояния. Если вы не возражаете, — Лавий положил руку на страницу книги, от его прикосновения шрифты замерцали, вырисовывая ранее невидимые строки. — Я так понимаю, тут есть то, что хотели тщательно скрыть, только зачем... — всматриваясь в бегущие строки, сел на стул. — Вам стоит вернуться в общий зал.

— Редкий дар — читать между строк. Желаю вам успехов, будьте осторожны! — в глазах Меллори отразилась ведомая только ей причина для волнений за главу парламента.

— Не волнуйтесь, я сделаю максимум, что от меня зависит, — не отрывая взгляда от фолианта, Лавий ушёл в концентрацию на чтении рукописей.

Дружба

Лаверия прислушалась к советам отца, и уже через неделю обучения, девочка обрела новых друзей и подруг. Но Николас по-прежнему избегал общения с ней, иногда поглядывая со стороны, как Лави проникалась доверием к каждому, кто проявлял к ней интерес. Она слишком была поглощена идеей завоевать всеобщее признание, отвлекаясь от учебного процесса в ущерб собственным знаниям. Возможно, её увлекали беседы с отцом на вечерних прогулках, и она ждала их гораздо больше, чем лекций магистров. Со стороны казалось, что малышка стала полноценной частью группы сверстников, но в глубине души, она часто замечала как знания, которые даёт ей отец, отдаляют её от желания прислушиваться к наставникам. Девочка всегда пыталась проявить доброту, милосердие, протянуть руку помощи отстающим. С каждым днём её благие намерения постепенно превращали учебный процесс в ношу решения чужих задач.

Шли недели. Дети привыкли считать обязанностью Лаверии участие в их успехах. Успеваемость же самой Лави от этого неизбежно снижалась. Отвлекаясь на помощь другим, она последняя сдавала свои проверочные работы, зачастую оставшись лишь с негодными для поделок материалами и тёмными красками в картинах. Магистры, принимая очередную работу от дочери главы парламента, недовольно покачи-

вали головой, считая неказистость исполнения задачи – отсутствием талантов. Общаясь между собой, наставники пытались понять: как могло оказаться так, что представительница таких сильных династий отстаёт в развитии. По городу поползли слухи о недостаточном воспитании Лаверии в семье.

Родители перестали встречать своих детей после обучения, позволив им возвращаться самостоятельно. Но горожане в беседах всегда упоминали, что за период обучения девочки и в праздничный день посвящения, ни мать, ни отец не явились в храм науки сопроводить дочь.

Лаверия вышла из здания магистратуры, мечтательно засмотревшись на полёт стаи птиц. Летний ветерок игриво раздувал полы её атласного платья. Неторопливо направилась в сторону дома, рассматривая прохожих по пути.

– Лави, подожди, — окрикнул кто-то сзади. Девочка оглянулась, увидев Ника.

– Привет, — удивлённая такой неожиданностью, смущённо улыбнулась.

– Ты обещала мне показать, как ты лазишь по деревьям, — забавно почесав за ухом, выпалил Николас.

– Обещала, но я думала, ты никогда больше со мной не заговоришь.

– Ну вот, я заговорил. По пути есть дерево, на которое я сам залезть не могу, спорим, ты тоже не сможешь? — мальчик взял Лави за руку, — идём, тут недалеко.

– Почему я должна с тобой идти? — одёрнув руку, девочка возмутилась.

– Перестань, на нас смотрят, нам надо поговорить!

На берегу прозрачного озера возвышались огромные деревья со стройными стволами, без веток в нижней части ствола. Лави озадаченно посмотрела снизу вверх в синеющий небосвод, между раскачивающейся от ветра листвой.

– Ты специально нашёл такие, чтобы я не смогла залезть? — раздосадовано отметила, хлопнув ладонью по стволу.

– Нет, Лави, дело не в этом. Мне нужно было найти место, где нас никто не услышит. И это подходит идеально, — Ник посмотрел на девочку сурово. — Зачем ты так себя ведёшь?

– Как? — Лаверия нахмурилась.

– Лави, мой отец – художник, — с гордостью в голосе начал мальчик, — мы привыкли наблюдать и замечать. Зачем ты помогаешь им всем? Они же тебе не помогают. А потом что? Они станут членами парламента, а ты что? — возмущение в голосе нарастало.

– А тебе что с этого? Ты вообще своё слово не сдержал, — Лави словно вылила всю свою накопленную обиду на Ника.

– Я обещал, что пока я с тобой, ничего плохого с тобой не случится. А сейчас происходит плохое, и я должен тебя предупредить. Я слышал разговор своего отца с другим творцом, они высмеивают Лавия, что дочь его никуда негодная и не справляется с учёбой. Ты хочешь огорчить своих родителей?

– Тебе – то, что с этого? — Лави постаралась не подавать вида, что слова Ника её задели за живое, села на траву.

– Я бы не хотел, чтобы тебе было плохо. Со слов отца, магистры планируют провести заседание учебной части и вызвать твоих родителей. Попробуй просто перестать помогать всем. Делай свои задания, поверь, когда настанет время экзаменов, если тебя к ним допустят, все они пройдут по головам. Потому что ничего не понимают в дружбе и поддержке. Они смеются над тобой.

– Почему? — грустно спросила Лави.

– Потому что считают, что ты дурочка, и они управляют тобой.

– Сами они дураки. И ты тоже в дружбе ничего не понимаешь, — Лаверия, задрав подол платья, вцепилась в ствол дерева, тщетно карабкаясь вверх.

– У тебя не получится, я пробовал, — обречённо произнёс Ник, наблюдая, как Лави, преодолев часть ствола, сползает снова вниз.

– Получится, я сказала, — разгневанная разговором, девочка пыталась вновь, вкладывая злость в движения по стволу. Цепляясь ногтями за выемки в коре, подталкивала себя ногами вверх.

Ник отвернулся, проследовав к озеру. Мальчик переживал за то, что возможно не стоило огорчать Лави тем, что он рассказал. Обернувшись, он вскрикнул от удивления. Лаверия сидела на ветке дерева, довольно раскачивая босыми

ногами.

— Я же сказала тебе, у меня всё получится, — крикнула она победоносно.

— Как? — Ник подбежал к дереву, — как ты смогла?

— Это ещё что, вот будет у меня одежда, как у Меллори, я ещё и не такое смогу.

— О нет, Лави, тебе никто не позволит одеваться так, — рассмеялся Ник.

— Спорим? — Лаверия уже пыталась спускаться вниз, в этот момент платье её зацепилось за сук, ткань с треском разорвалась.

— Что скажешь родителям? — подав руку девочке, Ник испуганно осмотрел болтающийся на юбке рваный лоскут.

— Скажу, что мне нужна одежда, как у Меллори, — дёрнув рукой за ткань, оторвала и выбросила часть юбки.

— Тебя не сильно будут ругать?

— Некому меня ругать. Отец всегда на работе, а Леона она — кормилица, — голос задрожал.

— А мама как же? — Ник удивился.

— А мама со мной почти не разговаривает, ей на меня всё равно. Ты видел? Я смогла, теперь ты будешь со мной дружить?

— Если только ты перестанешь помогать другим ученикам, — мальчик напомнил о цели их разговора, — и будешь дружить только со мной.

— Хитренький какой! Получается, помогать только тебе?

– Себе помоги, у меня с учёбой всё в порядке.

– Вот и помогу, на дерево смогла взобраться, а с учёбой и подавно разберусь.

Вечером Лави с нетерпением ожидала отца, чтобы узнать, что же такое настоящая дружба. Но папа почему-то стал возвращаться с парламента поздно, прогулки стали редкими. А ещё отец заметно изменился, словно отдаляясь от неё. Может, причина в том, что до него уже дошли слухи, и Лаверия просто не оправдала его ожиданий.

Леона пообещала не рассказывать родителям про испорченное платье, и даже порадовалась вместе с Лави, что девочка смогла одолеть огромное дерево и помириться с Николасом. Лаверия не выдала подробности их разговора с другом, дав себе слово перед сном, что к концу первого учебного года она станет лучшей ученицей в классе, и докажет всем, что она – не дурочка.

Верония

— Ты должна проявить интерес к своей дочери, не может же Леона заявиться в ректорат и отстаивать права нашей дочери? — Лавий, измотанный постоянными ссорами дома, пытался достучаться до разума жены.

— А ты уже наигрался с ней, как и со мной когда-то? Твои вечерние прогулки слишком быстро закончились, для образа заботливого отца, — Верония впервые за долгое время ужинала с супругом за одним столом.

— Ты невыносима! — вспыхнул Лавий, гневно сжав сервировочную салфетку в руке. — Когда ты уже поймёшь, что моя должность это не только блага, но и ответственность, я не могу разорваться и заниматься ребёнком ещё и как мать. Завтра ты отправишься в ректорат, и я не вижу причин для отказа. Разговор окончен, — мужчина бросил смятую салфетку на стол. Строго посмотрел на супругу, встретившись с взглядом женщины полным ненависти, удалился в свои покои.

На следующее утро Верония неохотно собиралась в магистратуру. Открыв платяной шкаф, пробежала рукой по ряду роскошных платьев, остановив свой выбор на самом невзрачном и скромном. Сняла его с вешалки, отшвырнула на кровать. Достаточно носить маски счастливой жены заботливого супруга, пусть горожане видят траур её души. До-

стала из резной деревянной шкатулки серьги с обсидианом, они отлично подойдут по настроению и цвету к её чёрному наряду. Камень притянет негатив и вернёт злые помыслы злоумышленникам. Дополнила образ кулоном горного хрусталя на тонкой серебряной цепочке. Воздушный и огненный минерал в паре помогут ей стабилизировать свою энергию и не раскрыть свою сущность перед магистрами.

Если Лавий и принудил её исполнить его волю, она сделает это так, как считает нужным; чтобы никогда впредь он не обращался с ней подобным образом. Она не должна испытывать чувство стыда за его любимую дочь и оправдываться. Платье идеально легло на стройную фигуру. Собрав волосы, Верония довольно рассматривала своё отражение в зеркале. Пусть горожане видят её такой: красивой и безнадежно одинокой невестой печального образа.

Залы магистратуры напомнили ей детские годы. Её жизнь могла сложиться иначе, если бы отец не настоял на браке с Лавием. В свете солнца, преломляемом цветной мозаикой витражей, Верония уверенно шла в кабинет ректората, где ей была назначена встреча с учебным советом. Если Лаверия умудрилась в первый год обучения уже заинтересовать своей сложностью магистров, лучше с первой встречи отбить желание преподавателей вызывать в школу мать, а не отца.

— Верония, рады, что вы почтили нас своим присутствием, — проректор поприветствовал мать Лави, предложив расположиться перед кафедрой, рядом с присутствующими уже

магистрами. — Ректор присоединится к нам немного позже, но он осведомлён обо всех вопросах, которые волнуют наш совет. Не будем откладывать начало заседания. Приступим.

Магистры по очереди рассказали о том, что Лаверия волнуется их мрачностью своего мировоззрения (её тёмные рисунки и выбор невзрачных минералов для поделок — были тому причиной) впрочем, взирая на внешний вид матери девочки, ясность по этому вопросу у них уже была. Но вторая часть заседания об успеваемости ребёнка не подлежала чётким визуальным определениям причин слабого уровня развития девочки.

— Мы смеем полагать, что причина не в генетике, а возможно в том, что девочка была вскормлена грудью земной женщины, — завершил свой доклад магистр генеалогии.

Верония громко рассмеялась в ответ:

— Вы позвали меня сюда для этого? Чтобы сообщить, что вы сами не способны обучить мою дочь лишь потому, что её вскормила не я? А достаточно ли у вас прав рассматривать эти вопросы? — Верония встала, поднялась на кафедру, заняв место магистра генеалогии. — Да, у Лаверии сложный характер и к ней нужно найти подход, но причина её, как вы сказали, отставания в развитии; не где-то там, в молоке или в недостаточном воспитании, а в том, что вы, как магистры, не справляетесь со своими обязанностями. И я, как жена главы парламента, могу поговорить с супругом о необходимости устроить проверку ваших способностей, — увлечённая

пылкой речью, Верония не заметила, как ректор, войдя в зал, слушал её, стоя у двери.

– Bravo, — раздался голос первого лица магистратуры, — продолжайте! С вашего позволения, я присяду тут скромно, чтобы выслушать ваши предположения.

Верония вздрогнула. За годы избранного ей самой зачтения, она не следила за жизнью города и назначениями. Но тот, кого она увидела сейчас в лице ректора, взбудоражил в ней болезненные воспоминания юношеской любви. Её отец, узнав о том, что девочка сошлась с сыном из династии ремесленников, в срочном порядке устроил брак с Лавием. И вот сейчас перед ней тот, кого она любила беззаветно.

– Если вы слышали мою речь, то я хотела бы услышать ваше мнение, — Верония почувствовала, как голос её предательски смягчился. Сойдя с кафедры, села на своё место, пытаясь скрыть свои эмоции.

– Мы говорим о судьбе ребёнка, и если бы мы хотели вызвать вас как жену главы парламента, цель визита обозначили бы иначе, — осмотрев встревоженные лица магистров, ректор остановился перед кафедрой. — Возможно, мы найдём точки соприкосновения в решении этого вопроса, с учётом интересов теперь уже не просто вашего чада, но и нашей подопечной, — ректор избегал взгляда на Веронию. — Со своей стороны вы поставлены в известность о сложности ситуации – вашу позицию выслушали. Магистрам следует отправиться на лекции, их ждут аудитории.

– Я тоже могу идти? — постаралась сыграть жёсткость в голосе.

– Я бы хотел обсудить детали воспитания с вами лично.

В тишине зала заседаний двое смотрели друг на друга. Грустные глаза Веронии наполнились слезами.

– Эвиус...

– Верония...

Перед ней стоял не тот робкий юноша, который уговаривал её сбежать в долину Визарии от воли отца. Возмужавший, уверенный в себе, сильный духом – Эвиус. Стук сердца от волнения оглушал, руки охватило леденящим холодом. Он перед ней: всё те же выразительные карие глаза, углом очерченные скулы, волосы цвета вороньего крыла. Непреодолимая дистанция длиной в пятнадцать лет. Дистанция длиной в статус и условности, и невозможность преодоления стены холодного рассудка. Верония застыла в немой мольбе услышать его речь.

– Ты счастлива? — спросил он тихо.

– Безнадёжно счастлива...

Мужчина шагнул навстречу, провёл тыльной стороной ладони по щеке Веронии.

– Позволь мне это изменить.

Истосковавшаяся по собственной любви и нежности женщина прильнула к груди того, без кого не мыслила в юношестве свою жизнь.

Закатное солнце окрасило в бурый вершину. Верония на-

слаждалась свежестью летнего вечера в саду. Через две луны, ночью, Эвиус будет ждать её в их тайном месте, где они условились встретиться много лет назад, для того, чтобы покинуть Вершину Творцов. Она застряла в памяти прикосновения его руки к щеке. И лишь воспоминания о нём делали её живой. В ту ночь он крикнул ей вслед, что свой отказ она будет помнить вечно. Но ведь она и не жила все эти годы. Да, забывалась, купаясь в заботе Лавия, но после рождения дочери потеряла и его внимание и себя. Они с мужем чужие друг другу.

Лавий, вернувшись домой, зашёл в покои жены, не обнаружив её в спальне, спустился в сад. Мужчину удивило то, что супруга впервые за долгие годы умиротворённо наблюдает за закатом.

– Как всё прошло? — расположившись в кресле напротив, поинтересовался Лавий без приветствия.

– Они изменяют подход к её обучению. Возможно, это поможет.

– Ты уже говорила с Лаверией? — равнодушие супруги его уже не удивляло.

– Нет, зачем? Магистры должны обучать детей, пусть сами находят подход.

– Как ты думаешь, каково ей? Чувствовать себя постоянно отверженной собственной матерью.

– Наверно, у нас это наследственное, я тоже много лет чувствую себя отверженной в этом доме. Зачем менять тради-

ции? — Верония посмотрела на Лавия с упреком. — Ты можешь бежать к ней, у вас прекрасный тандем. Зачем мне что-то менять?

— Ты права, незачем, — отреагировал сухо муж, — спасибо, что снизошла и сходила на заседание.

Верония, оставшись наедине со своими мыслями, вернулась в сладкий плен мечтаний. Неужели, Эвиус сможет изменить её жизнь и вернуть ей себя. Или открыть ей новую жизнь, в которой не будет больше мигреней, заточения и страха раскрытия сговора отца. Что если её могут полюбить такой, какая она есть на самом деле. Уже не придётся прятаться, скрываться, дежурить у окна в попытке понять, что происходит в доме. Не придумывать отговорки непринятия роли матери, не ждать, когда обеденное солнце сменится закатным, чтобы уснуть и забыться. Лишь в своих снах она была счастливой, в них Эвиус не уходил из её грёз.

Соппротивление

— Лаверия, у меня закончились яркие краски, дай мне свои — девочка протянула руку за палитрой.

— Нет, мне самой нужны, — остановила её Лави, заметив явное недовольство в ответ.

— Лаверия, помоги мне с решением задачи, я не справляюсь, — мальчик протянул листок и ручку.

— Я не смогу тебе помочь, тогда я не успею решить свою задачу, — не отвлекаясь от письма, ответила.

— Раньше тебя это не останавливало, — буркнул в ответ.

— Лаверия, давай поменяемся, я тебе — змеевик, у меня его много, а ты мне — аквамарин и лунный камень?

— Прости, не могу, мне самой надо...

Николас, делая вид, что занят своими делами, каждый раз радовался тому, что Лави прислушалась к его совету и отказывает в помощи. Тактика друга приносила свои плоды, успеваемость девочки за месяц улучшилась, но росло негодование на плохие результаты у тех, кто привык к помощи Лаверии. Кто-то пытался хитростью выманить у неё помощь, кто-то жалостью, но девочка справлялась, с каждым разом уверенней произнося «нет». Получая отказ на просьбу, дети злобно обсуждали её за спиной, объединяясь в группу противостояния новому порядку. И чем ниже были их результаты, тем выше ненависть по отношению к той, кто ко-

гда-то протягивала руку помощи и шла навстречу просьбам.

– Лаверия, ты изменилась в плохую сторону, — подходя к ней в обеденном зале, группа делегатов недовольной стороны, попыталась объяснить, что она не права, и ей стоит вернуть прежнее отношение к сверстникам, иначе, с ней никто не будет дружить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.